

ГОД УСПЕХОВ И РАЗОЧАРОВАНИЙ

Помочь нам может не сам по себе полученный урок,
а умение извлечь из него пользу.

Елизавета Каннинг

Где не погибло слово, там и дело еще не погибло.

Александр Герцен

Вот и завершился журналистский эксперимент или, как часто говорят в таких случаях, журналистская акция. В течение целого года еженедельно, каждую субботу, я печатал проблемную статью. В году — пятьдесят две субботы. Я перевыполнил план. Иногда ощущал знакомое до боли чувство мандража. Не раз вспоминал один незабываемый эпизод из детства.

Было мне тогда лет тринадцать-четырнадцать. Где-то под конец 40-х годов. После войны дома у нас, не считая ветхого дедушки Маркоса, я был единственным мужчиной. Так уж сложилось, что ответственность за дрова ложилась на меня. Послевоенные зимы были на редкость снежными и зябкими. Без дров никак нельзя было выжить. Не было такого дня ни зимой, ни летом, чтобы я не ходил в лес. Каждый день тащил на себе увесистую связку хвороста. Взрослые парни и мужчины отправлялись по дрова с тачками, называемыми почему-то арбами. И вот в один прекрасный день дедушка, видя, как уже набухают у меня бицепсы, сколотил мне тоже всамделишную арбу. Счастью моему не было предела. Двухколесная повозка, на которой сразу можно было возить пять, а то и шесть связок дров. Повозка, длинная веревка и залатанная торба, в которую бабушка клала кусок хлеба, несколько сваренных в мундире картофелин и головку лука. Бабушка не баловала меня разнообразием меню, но в лесу в зависимости от времени года всегда есть чем вдоволь полакомиться: дикие, очень терпкие груши и яблоки, грецкий орех и пндук, земляника и ежевика, кизил и зкер (мушмула), сезны (боярышник) и шиповник, не говоря уже о подснежнике (хынджлоз) и диком луке (хазаз). Первый раз я почувствовал себя по-настоящему повзрослевшим, что называется, настоящим мужчиной, когда, таща за собой груженную дровами арбу мимо стен военного городка, прибли-

жался к Степанакерту. Мне казалось, что весь город смотрит на меня.

Так уж получилось, что буквально на следующий день меня остановил лесничий. Это был азербайджанец из крохотного села Кркыжан, давно ставшего своеобразным кварталом Степанакерта. До этого он тысячу раз видел, как несу связку дров на спине, но вроде не обращал внимания. А тут вдруг потребовал у меня документ. Я поразился: до чего же я повзрослел, если у меня требуют документ. Документ, разрешающий везти из лесу дрова. Я понятия не имел, о чем идет речь. Рядом, совсем рядом находится наш лес. Летом и зимой топим печку. Просто летом топим во дворе, где бабушка готовит еду, а зимой — дома. Лесничий называл этот документ очень знакомым мне словом «билет». Но я считал, что билет нужен только для того, чтобы пойти в кино.

Дома я рассказал дедушке о случившемся, чему он, к моему удивлению, ничуть не удивился. Законопослушный дед Маркос, который большую часть своей жизни прожил при царском режиме, спокойно сказал, что придется приобрести билет. Через день я отправился в лес, вслушиваясь в мирный скрип колес моей арбы и готовясь к встрече с лесничим. Думал о том, что теперь я уже словно единое целое с билетом, для хранения которого бабушка сшила из цветастой тряпки нечто похожее на кошелек. И о том, что теперь я все четырнадцать дней обязательно должен ходить за дровами. В билете был указан срок — четырнадцать дней. И больше никаких ограничений. Значит, можно хоть два, хоть три раза в день идти за дровами, хоть пропадать в лесу. На третий день я уже дважды сходил в лес. Случалось, ухитрялся и три раза повторить знакомый маршрут. По вечерам плотно складывал во дворе привезенные мной дрова, узнавая каждое полено, каждую палку, как родное существо. То и дело отходил чуть поодаль от аккуратной сложенных дров и смотрел на них, как, наверное, художник на свою картину. Помнится, однажды пришла мне в голову полная тревоги мысль: что если я заболею или, скажем, сломаю ногу? Эта мысль меня ужасала, выглядела какой-то предательской. Оказалось, что тут дело не только в дровах, которые представляли собой всего лишь топливо. Не только в осознании того, что ты делаешь очень и очень нужную работу, которая поможет выжить твоей семье еще одну зиму. Кроме всего прочего, я понял, что сам вжился в образ. Что-то слишком серьезное было для меня во всем этом деле. Правда, я тогда еще не знал таких понятий, как долг или чувство

долга, чувство ответственности. Все было намного проще, но и сложнее. Меня тянуло в лес не так, как раньше, наличие «лесного билета» в бабушкином тряпичном кошельке как-то дисциплинировало. Но не только это тянуло меня в лес, где я выполнял, кстати, очень тяжелую работу. Новым для меня было то, что я за те четырнадцать дней как никогда часто мысленно беседовал сам с собой. Возможно, даже иногда что-то произносил вслух. Ведь все эти дни я был наедине с самим собой и с моей арбой. Уже в те годы я грешил стихами, рассказами, часто вел записи, исписывал целые тетради. И вот на всю мою, теперь можно сказать, долгую жизнь, запомнился последний, четырнадцатый день. Я осознал, что это не просто последний день действия билета, дававшего мне законное право рубить дрова для дома. Тут было нечто другое. Это был конец какого-то осознанно прожитого этапа жизни, когда я все время, каждую минуту беседовал и спорил с собой. В голове вертелись какие-то сюжеты, которые я не записывал, думая, что буду помнить, не ведая о том, что глубоко ошибаюсь. Самое, пожалуй, главное было то, что я будто ощущал победу над самим собой. Однако и этого было мало. Я на всю жизнь запомнил, что конец как таковой наступает тогда, когда мы перестаем говорить сами с собой. Годы спустя я узнал, что мысли эти многим приходили в голову. Но для меня главным было то, что к ним я пришел своим путем, своей поистине философской тропой.

Мысли эти назойливо посещают меня по окончании каждого очередного путешествия. И вот теперь завершен еще один этап. Пройдена еще одна философская тропа. В течение круглого года без единой передышки, без единого перекура в назначенный час я встречался с моими читателями. Сдавал им очередной в моей писательской жизни экзамен, проходил очередные в моей жизни уроки. И сейчас, когда все уже позади, я думаю о том, что, как это ни странно, все еще впереди. Ибо и впрямь эти мои встречи стали в первую очередь уроками лично для меня. Я не настолько наивен, чтобы самодовольно полагать, что после каждого газетного выступления все проблемы тотчас же должны быть решены. Но в то же время считаю просто абсурдным, даже глупым, когда государство на основании закона ежегодно выделяет определенную сумму в виде оказания материальной помощи средствам массовой информации (независимо от правительственного пристрастия к той или иной газете), и в то же время оно относится с воинственным пренебрежением к любой публикации в любой газете.

В таком случае, какая, в конце концов, разница между жесткой советской цензурой, зачастую запрещающей писать правду, и абсолютным игнорированием печатного слова при так называемой независимости с ее так называемой свободой слова?!

Увы, примеров тому тьма. Скажем, в одночасье выселили целую прорву министерств из их зданий и собрали в кучу. Может, это и хорошо, что «одна куча», все вместе, бок о бок. Однако освободившееся здание продается частнику, который подгоняет его под жилой дом. Огромное здание министерства в центре города — это всего лишь несколько служебных машин, а в субботу и воскресенье окрест — ни одной машины. Никакой тебе толчеи. Уют в городе, как во всех столицах мира, где центр отводится под учреждения, театры, музеи, редакции, всякие там офисы. Что же станет с центром города, когда все муниципальные, правительственные, общественные здания превратятся в многоквартирные дома? В каждой семье — по одной, а то и по две машины. Крохотные площадки, которые служили в качестве стоянки для машин министерства, тотчас же застроят гаражами, вытесняя детей на проезжую часть улицы. Рядом с этими домами на улицах встанут в два тесных ряда собственные машины. Прохожие, конечно, в таких случаях будут швырять камнями в огород не мэрии, а ГАИ. Обо всем этом писали и предупреждали журналисты, публицисты, писатели. Но толку никакого. Как об стенку горох.

Нередко можно слышать от крупных чиновников ужасно банальную мысль, что якобы они принимают только «конструктивную критику», но не «чернуху». Все это от лукавого. Никто никакую критику вообще не принимает. Мало того, даже не скрывают своего, мягко выражаясь, индифферентного отношения к печати. А закона о печати словно бы и нет в помине. Самое поразительное, что они даже не задумываются над тем, что независимо от их желания писатель будет продолжать писать (ибо это не только его работа, это его жизнь), что будет формироваться общественное мнение. Даже тоталитарный режим СССР ничего не мог поделаться с писателями. Талантливые перья пробивали китайскую стену зловещего Главлита. Кстати, о «чернухе». Мудрые главы государств хорошо понимали: чем больше конструктивного внимания уделить печати, тем больше будет спасительной именно «конструктивной критики» и тем меньше — «чернухи». Во время моих встреч с читателями я не раз приводил слова бывшего Президента США Ричарда Никсона: «Выгоднее вложить один доллар в прессу, чем десять

долларов в оружие». Уж кто-кто, а Никсон на собственной шкуре почувствовал роль журналистов в судьбе государства.

Идя на каждую встречу с читателем, я сильно волновался, тщательно готовился, обстоятельно изучал тему очередной беседы. Как и тогда в юности, когда заготавливал дрова на зиму, я осознавал всю серьезность каждой встречи. Не скрою, с нетерпением ждал субботы. Утром разворачивал газету, старался читать ее глазами моих читателей, в том числе и глазами моих коллег-журналистов, с которыми мысленно вступал в диалог, презрев всякие назидания. Признаюсь, меня посещало чувство стыда перед моими коллегами, особенно перед молодыми. Они ведь уже привыкли к тому, что их слово не доходит до адресата. Это же страшно, когда у государственных мужей вырабатывается некий иммунитет по отношению к печатному слову. К слову — вообще. Ведь презрение к слову, как правило, приводит к презрению к делу. Подумать только: еще в IV веке до нашей эры Демосфен предупреждал: «Всякое слово без дела ничтожно и пусто».

Никогда еще слово не было так обесценено, как в наше время. Опошлили его так называемые демократы сразу же после начала Карабахского движения, главным оружием которого, кстати, было слово. А ведь оно призывало к национально-освободительной борьбе, а не к революции с ее разорениями и разрушениями. Все наши беды от того, что государственные мужи, с одной стороны, недооценивают в муках рожденное писательское слово, с другой — сами денно и нощно самонадеянно швыряются пустыми словами, обесценив суть и смысл логоса. Они и не подозревают, что сила слова беспредельна. Удачного слова часто бывало достаточно, чтоб остановить обратившееся в бегство войско, превратить поражение в победу и спасти страну.

Год изнурительного труда принес мне не только множество творческих успехов, но еще больше профессиональных и человеческих разочарований. И все же из пережитого за этот год я извлек самый главный для себя урок: продолжать точить слово, как оружие! Обязательно, несмотря ни на что, сказать слово, когда не можешь его не сказать! При этом помнить предупреждение великого Севака: «Если скажу — пламя будет. А не скажу — рана в груди». Не следует бояться, когда к сердцу приходит усталость; бояться следует, когда усталость приходит к слову. Тогда не спасет тебя даже покаяние. И тогда еще ближе подойдешь к краю бездны.

Еще не успел завершить этот проект, но уже весь пребываю в напряжении и бессоннице, подумывая о следующем. А ведь меня ждет еще и другая незавершенная рукопись книги, над которой работаю вот уже долгие годы. Это — раздумья о трагических судьбах матери и отца, об их и моем времени. Ничего необычного не произошло, просто поменялись планы. Во мне в очередной раз победил публицист над эссеистом, рассказчиком, мемуаристом. Пережитый год, весь насыщенный «моей» публицистикой, изнурительной работой над «Бездной», раскрытием разных тем, объединенных единым чувством беспокойства за завтрашний день, показал, что я все-таки вечный оппозиционер. Собственно, я всегда находился и всегда буду находиться в оппозиции к власти предрержащим: к первому секретарю ЦК партии, к председателю Верховного Совета, к президенту и... надеюсь, настанет день, когда вместо президента республики у нас будет премьер-министр, назначенный парламентом. Но это уже тема для другой работы.

Книга эта оказалась объективно оппозиционной, так как в ней то и дело стараюсь обратить внимание президента и правительства на то, что пренебрежение со стороны государственных деятелей к печатному слову всегда создает революционную ситуацию в стране, ибо как только верхи наглеют от безнаказанности, низы хватаются за вилы и булыжники. И в такой, действительно революционной, ситуации появляются люди, лишенные чувства самокритики и самооценки, которые под шумок рвутся к власти. Это значит, они не осознают главного: высокие должности делают низких людей еще более низкими. При этом им почему-то кажется, что оппозиция только для того и существует, чтобы безудержно, кровь из носу, рваться к власти.

Первый секретарь ЦК компартии Армении Карен Демирчян в начале 80-х годов прошлого века (я бы мог, конечно, порыться в подшивках местных газет того времени и точно назвать дату, но это в данном случае не так важно) посетил Италию, возглавляя партийную делегацию КПСС. То есть представлял не Армению, а весь Советский Союз. Делегацию, естественно, принимал Генеральный секретарь Итальянской Коммунистической партии Энрико Берлингуэр. Естественно, что переговоры с лидером итальянской компартии вел лично Демирчян, как руководитель делегации. По возвращении в Ереван первый секретарь буквально через день пригласил меня к себе. В его про-

сторном кабинете я был частым гостем. Карен Серобович особое внимание уделял собственным корреспондентам центральных газет и центрального телевидения (тогда был только один телеканал, который, кстати, так и называли — «Центральное телевидение»). В те дни готовился диалог на всю газетную полосу с первым секретарем в «Литературной газете». Наша совместная работа прервалась в связи с его поездкой в Италию. Потому-то он тотчас по возвращении пригласил меня.

Прежде чем приступить к прерванной работе, я попросил хозяина кабинета в двух словах рассказать о поездке и, особенно, о встрече с очень популярным тогда в мировом коммунистическом движении итальянским лидером. Уже по ходу дела я догадался, что Карен Серобович великое множество раз успел рассказать разным собеседникам о своей беседе с глазу на глаз с Энрико Берлингуэром. Догадался по тому, какие были уже, я бы сказал, заученные фразы, обороты речи. Так часто бывает у лекторов, которые из года в год читают одну и ту же лекцию студентам.

Рассказ тот запал мне в душу надолго. Помнится, настоятельно просил Демирчяна включить этот эпизод в наш диалог, обещав, что от этого безмерно выгадает материал. Он наотрез отказался. Улыбаясь, сказал буквально следующее: «Могу себе представить реакцию широкой общественности на нашу беседу с Берлингуэром. Я его спрашиваю, мол, почему бы при такой фантастической популярности итальянской компартии в стране, где насчитывается более двух миллионов коммунистов, не добиваться власти? А он мне отвечает совершенно спокойно не без гордости: «Если мы придем к власти, то никогда не сможем устранить те проблемы, о которых денно и ночью кричим на весь белый свет, помогая тем самым правительству хотя бы частично решить их и создавая при этом сферу гласности и демократии, сдерживающие власть предрежащих от беспредела и вседозволенности. А вот если, — говорил Берлингуэр, — не дай Бог, придем к власти, то, разумеется, никогда не решим эти извечные проблемы, и тогда раз и навсегда потеряем авторитет. Тем самым нанесем вред не только партии, но и обществу и самой оппозиции. Ибо лишимся силы воздействия на власти и развяжем им руки. Еще не известно, где больше окажешь пользу народу, — находясь во власти или в оппозиции?»

О беседе с Берлингуэром Демирчян рассказывал с охотой, даже с восторгом. Разумеется, лидеру Армении не простили бы, если бы он обнародовал суть и смысл своей беседы. Да

еще — с коммунистическим лидером, который постоянно создавал проблемы для ЦК КПСС. Для меня же главным было то, что сам руководитель Армении действительно осознал некую спасительную необходимость в оппозиции.

В самый разгар войны в Арцахе я писал в своем блокноте: «Пожалуй, одним из популярных слов стало сегодня слово «оппозиция». Одни связывают с ней свои надежды. Другие, наоборот, считают, что народу плохо живется только потому, что она, оппозиция, ставит палки в колеса колесницы властей. Я думаю, оппозицию разумнее сравнить с волками, которые являются санитарями леса и тундры. Конечно же, проводить параллели между законами природы и человеческого общества нужно с величайшей осторожностью. Особенно в пору лихолетья». Об этом я писал в 1993 году, иллюстрируя свои размышления мыслями философов, которые тему эту развивали довольно обстоятельно. Не об Армении ли писал ныне мало цитируемый Маркс, как всегда выражаясь четко: «Пока жизнеспособная нация теснима иноземными захватчиками, она по мере необходимости все свои силы, все устремления и энергию должна направить против внешнего врага!»

В жаркое и тревожное лето 1992 года, когда день и ночь бомбили Степанакерт и Горис, Корнидзор и Капан, когда в армянских «верхах» и «низах», обуреваемых паникой, появились пораженческие настроения, когда противостояние между президентом и политическими партиями достигло белого каления, я писал в газетах, а через два года поместил текст в книге «Между адом и раем»: «Нынче надо заботиться не только о разумном отношении оппозиционных партий к президенту и правительству, но и о таком же отношении президента и правительства к оппозиционным партиям. Государственная самооценка должности президента обязывает, чтобы он был вдвойне религиозным человеком. Кроме Бога на небе должен быть у него Бог на земле. Это — истина...» Истина в годы лихолетья становится орудием стратегии, а не политики, демократии, переворотов. Хотя великий русский философ и провидец Николай Бердяев, которого современники считали солдатом и певцом Истины, вывел трезвую и спасительную для Родины формулу: «Да сгинет истина, если от гибели ее народу будет лучше житься, если люди будут счастливее».

Трудно переоценить подлинную роль и значение оппозиции, без которой просто не может существовать государство. Я читал все, что попадалось в руки, об основателях США. И

высоко ценю Бенджамин Франклина, поэтому часто ссылаюсь на его труды. Не многие знают, что Бенджамин Франклин, являясь по сути одним из основателей самого могущественного государства, был в оппозиции к первому президенту Америки. Этот выдающийся ученый-энциклопедист и государствовед честно признался: «Оппозиция совершенно необходима. Истинный государственный муж, да и вообще всякий разумный человек, извлечет больше пользы от общения со своими оппонентами, чем с самыми горячими сторонниками». Правда, Франклин не преминул добавить, что речь идет не только о «разумном государственном муже», но и о «разумном» оппозиционере. Философы во все времена, начиная с Аристотеля, не могли себе представить власть, даже самую что ни на есть тоталитарную, самовластную, которая могла бы нормально править без «разумной оппозиции». Не случайно, подчеркивая тот факт, что оппозиция составляет сущность представительного правления, отмечали и то, что «оппозиция — это завтрашние реакционеры», что «оппозиция — это искусство обещать то, чего правительство не может исполнить».

Макиавелли считал, что конечная цель оппозиции, равно как и самой власти, самого «государя» — это «стратегия и безопасность государства».